

У Белинского сорвалось, однако довольно неожиданно, упоминание еще и о французах. Оказалось, что они верующие. Зачем это понадобилось?

Конечно, не из одной Германии даже в дни расцвета нашей гегелемании мчались на Русь западные перекати-поле.

Н. А. БЕРДЯЕВ

<Русский социализм и нигилизм>

<Фрагменты>

Хотя Белинский был человеком 40-х годов, принадлежал к поколению славянофилов и западников, но он, может быть, первый выразил тип революционной интеллигенции и в конце своей жизни формулировал основные принципы ее миросозерцания, которые потом развивались в 60 и 70 годы. Прежде всего Белинский не был русский барин, как все славянофилы и западники, как Герцен и Бакунин, он принадлежал к другому социальному слою, он разночинец. По душевной своей структуре он имел в себе типически интеллигентские черты, он был нетерпимым фанатиком, склонен к сектантству, беззаветно увлечен идеями, постоянно вырабатывал себе мировоззрение не из потребности чистого знания, а для обоснования своих стремлений к лучшему, более справедливому социальному строю. Белинский был человеком исключительных дарований и исключительной восприимчивости к идеям, но уровень его образования был не высокий, он почти не знал иностранных языков и знакомился с идеями, которыми был увлечен, из вторых рук. С Гегелем он знакомился, главным образом, через рассказы Бакунина. Белинский прошел через все стадии идейных увлечений культурного русского слоя того времени. Он по очереди был фихтеанцем, шиллингианцем, гегелианцем, потом перешел к фейрбахянству, отрицал влияние французской литературы и французской социалистической мысли. Он был, прежде всего, замечательным литературным критиком, первый оценил Пушкина и Гоголя и начало творчества наших великих

романистов. Сам он обладал художественной восприимчивостью и был способен к эстетическим суждениям, но он стал родоначальником того типа публицической, общественной критики, которой суждено было сыграть огромную роль в истории интеллигентского сознания. У Белинского было характерно русское искание целостного мирозерцания, которое дает ответ на все вопросы жизни, соединяет теоретический и практический разум, философски обосновывает социальный идеал. Целостная правда, как потом выразился Н. Михайловский, тоже вышедший из Белинского, есть правда-истина и правда-справедливость. Та же идея целостности, тоталитарности потом будет у Н. Федорова на религиозной почве и в марксизме-ленинизме. Русские критики-публицисты всегда будут проповедовать целостное мирозерцание, всегда будут объединять истину и справедливость, всегда будут учителями жизни. Белинский был первым, наиболее одаренным представителем этого типа. Он уже утверждает социальную роль литературного критика. Русская социальная мысль скрывалась под формой литературной критики, потому что по цензурным условиям она не могла себя иначе выразить. В идейной эволюции и революции, которую пережил Белинский, наиболее интересен и важен кризис гегелианства*. Русская мысль пережила два кризиса гегелианства, у Хомякова кризис религиозный, у Белинского кризис социальный. Основной вопрос, который интересовал русских людей 40-х годов, увлекавшихся Гегелем, был вопрос об отношении к «действительности». Мысль Гегеля о разумности действительности, которая у самого Гегеля имела панлогистический смысл и означала признание подлинно действительным лишь разумного, в России была пережита очень напряженно и мучительно, но была неверно истолкована. Известно, что Гегеля можно понимать консервативно и революционно, — он породил правое и левое течение, он был философом прусского государства, в котором видел воплощение абсолютного духа, и он же через диалектику внес революционную динамику в мышление, породил Маркса. Русские гегелианцы 40-х годов сначала поняли Гегеля консервативно и истолковали мысль о «разумности действительности» в том смысле, что нужно примириться с окружающей действительностью, действительностью николаевской эпохи и увидеть в ней разум. Такой момент консервативного гегелианства пережили Белинский и Бакунин, люди революционного темперамента, которые потом пришли к революци-

* См. «Социализм Белинского». Статьи и письма. Редакция и комментарии П. Сакулина. 1925 г. В этой книге собраны замечательные письма Белинского к Боткину.

онному мирозерцанию. Русские романтики-идеалисты 40-х годов бежали от социальной действительности в мир мысли, фантазии, литературы, в отраженный мир идей. Они страдали от уродства и неправды действительности, но бессильны были ее переделать. Разлад с действительностью делал русских людей бездейственными, выработал тип «лишних людей». Они не могли принять действительности не для примирения с ней, а для борьбы с ней. Но в гегелианстве заключалась возможность обращения к действительности, которое может получить двойной смысл. Тожество бытия и мышления есть не только перенесение бытия в мышление, но и перенесение мышления в бытие. У Белинского в конце 40-х годов в последний его период произошло бурное и страстное обращение к социальной действительности, но не для примирения, а для борьбы. Борьба предполагает обращение к действительности, к реальности. Мечтательное отношение к жизни делает невозможной борьбу. Но у Белинского это принимает форму кризиса гегелианства, с которым вся левая, революционная русская мысль порывает до возникновения русского марксизма, который вновь обратился к Гегелю, но понял его диалектику революционно. В последний период Белинский приходит к революционному социализму и воинствующему атеизму. Это нашло себе выражение в замечательных письмах к Бакунину, которые в старой России не могли быть напечатаны. Бунт против Гегеля есть бунт во имя живой, человеческой личности, а борьба за живую человеческую личность превращалась в борьбу за социалистическое устройство общества. Так формулировалась характерная русская идея индивидуалистического социализма.

Белинский прежде всего с обычной своей страстностью восставал против отвлеченного идеализма, далекого от конкретной жизни, который приносит в жертву мировому духу, общему — индивидуальное, живую человеческую личность. «Судьба субъекта, индивидуума, личности, — пишет Белинский, — важнее судьбы всего мира и здоровья китайского императора (т. е. гегелевский *Allgemeinheit*)». «Кланяюсь Вашему философскому колпаку, — обращается Белинский к Гегелю, — но со всем подобающим вашему философскому филистерству уважением, честь имею донести Вам, что если бы мне и удалось влезть на верхнюю ступень лестницы развития, — я и там попросил бы отдать мне отчет во всех жертвах условий жизни и истории, во всех жертвах случайностей, суеверия, инквизиции Филиппа II и пр., и пр.: иначе я с верхней ступени бросаюсь вниз головой. Я не хочу счастья и даром, если не буду спокоен насчет каждого из моих братьев по крови, — костей от костей моих и плоти от плоти моей. Говорят, что дисгармония есть

условие гармонии: может быть, это очень выгодно и усладительно для меломанов, но уж, конечно, не для тех, которым суждено выразить своею участью идею дисгармонии».

Это очень важные для последующей русской проблематики слова. Тут поставлена проблема теодицции, проблема оправдания страдания, которая есть основная русская проблема и источник русского атеизма, проблема цены прогресса, которая будет играть большую роль в социальной мысли 80-х годов. Белинский предвосхищает Достоевского, им была уже пережита проблема Ивана Карамазова о слезинке ребенка, в нем зачалась диалектика Достоевского в «Легенде о Великом Инквизиторе». Иногда кажется, что в мыслях Ивана Карамазова Достоевский имел в виду Белинского, которого он хорошо знал лично и с которым много спорил. Белинский переживает отчаяние и ожесточение после разочарования в идеализме. Он делается революционером, атеистом и социалистом. Очень важно, что в Белинском русский революционный социализм эмоционально соединяется с атеизмом. Истоком этого атеизма было сострадание к людям, невозможность примириться с идеей Бога ввиду непомерного зла и страданий жизни. Это атеизм из морального пафоса, из любви к добру и справедливости. Достоевский будет раскрывать эту своеобразную религиозную психологию и идейную диалектику. Из сострадания к человеку, из бунта против общего (идеи, разума, духа, Бога), давившего живого человека, Белинский делается социалистом. Он есть замечательное свидетельство о морально-психологических истоках русского социализма. Бунт против общего во имя личности переходит у него в борьбу за новое общее, за человечество, за его социальную организацию. Белинский не замечает, что, отвергнув все «общее», раньше давившее людей, он быстро подчиняет личность новому «общему». И ему представляется, что это новое «общее», которому он поклоняется, — так как русский человек не может не поклоняться чему-либо, — он утверждает во имя личности. То же самое будет происходить в 60-е годы. «Социальность, социальность — или смерть! — восклицает Белинский. — Что мне в том, что живет общее, когда страдает личность». «Отрицание — мой бог».

В России в конце 40-х годов был уже тот же диалектический процесс мысли, который в Германии происходил в левом гегелианстве, у Фейербаха и Маркса. Происходит разрыв с отвлеченным идеализмом и переход к конкретной действительности. Белинский проникается, по его собственным словам, маратовской любовью к человечеству. «Страшный я человек, — пишет Белинский, — когда в мою голову забивается какая-нибудь мистическая нелепость». Таков вообще русский человек, в его голову часто «забивается какая-нибудь ми-

стическая нелепость». Очень замечательны эти слова Белинского. Из сострадания к людям Белинский готов проповедовать тиранство и жестокость. Кровь необходима. Для того, чтобы осчастливить большую часть человечества, можно снести голову хотя бы сотням тысяч. Белинский предшественник большевистской морали. Он говорит, что люди так глупы, что их насильно нужно вести к счастью. Белинский признается, что, будь он царем, он был бы тираном во имя справедливости. Он склонен к диктатуре. Он верит, что настанет время, когда не будет богатых, не будет и бедных.

Белинский начинает утверждать, что русский народ — атеистический народ, но он еще сохраняет любовь ко Христу бедных и несчастных. Белинский пишет свое полное негодование письмо к Гоголю по поводу его книги «Переписка с друзьями». Письмо это, конечно, не могло быть напечатано и ходило по рукам. Белинский клеймил Гоголя предателем, проповедником рабства. Он был религиозно неправ, но социально прав. Белинский — центральная фигура в истории русской мысли и самосознания XIX века. И он более других должен быть поставлен в идейную генеалогию русского коммунизма как один из его предшественников, гораздо более, чем Герцен и др. люди 40-х и даже 60-х годов. Он близок к коммунизму не только по своему моральному сознанию, но и по социальным взглядам. Он не типичен для народничества, он признает положительное значение индустриального развития и даже готов признать значение буржуазии, которой терпеть не может, совсем как впоследствии русские марксисты.

По Белинскому можно изучать внутренние мотивы, породившие мирозерцание русской революционной интеллигенции, которое будет долгое время господствовать и в конце концов породит русский коммунизм, но уже в иной исторической обстановке. Мотивы эти нужно видеть прежде всего в страстном, негодующем протесте против зла, несчастий и страданий жизни, в сострадании к несчастным, обездоленным, угнетенным. Но русские из жалости, сострадания, из невозможности выносить страдание делались атеистами. Они делаются атеистами, потому что не могут принять Творца сотворившего злой, несовершенный, полный страдания мир. Они сами хотят создать лучший мир, в котором не будет таких несправедливостей и страданий. В русском атеизме были мотивы родственные Маркиону. Но Маркион думал, что Творец мира есть злой бог, русские же атеисты в иной умственный век думали, что Бога совсем нет, и, если бы он был, что он был бы злым Богом. Этот мотив был у Белинского. Бакунин производит впечатление богоборца с мотивизацией, родственной маркионизму. В Ленине это находит

свое завершение. В первоистоках русского атеизма заложено было повышенное, доведенное до экзальтации чувство человечности. Но в последних результатах русского атеизма, в воинствующем безбожии, получившем власть, человечность переродилась в новую бесчеловечность. Это было предвидено Достоевским.

Две интенции сознания можно увидеть у Белинского. Он прежде всего обращает внимание на живую человеческую личность, на переживаемые ею страдания, прежде всего хочет утвердить ее достоинство и право на полноту жизни. Он восстает против «общего», против мирового духа, против идеализма во имя этой живой человеческой личности. Но направленность его внимания очень быстро меняется, и личность поглощается социальным целым, обществом. Общество, новое общество, которое может быть создано лишь путем революции, может избавить человеческую личность от нестерпимых страданий и унижений. Большая часть общества, составляющая «народ», претерпевает эти несправедливые страдания и унижения. Но исключительная направленность сознания на общество и на необходимость его радикального изменения приведет к забвению самой человеческой личности, полноты ее жизни, ее права на духовное содержание жизни. Проблема общества окончательно подменяет проблему человека. Революция низвергает «общее», давившее человеческую личность, но она подавляет его новым «общим», обществом, которое требует себе полного подчинения человека. Это есть роковая диалектика в развитии революционно-социалистической и атеистической мысли. Русский атеизм, который оказался связанным с социализмом, есть религиозный феномен. В основе его лежала любовь к правде. Белинский был уже проникнут сектантским духом, который так характерен для русской революционной интеллигенции.

Белинского нельзя назвать в строгом смысле слова народником. У него не было характерной для народников веры в «народ». Но у него были уже формулированы два принципа, которые легли в основание народнического социализма, — принцип верховенства человеческой личности и принцип общинной, социалистической организации человеческого общества. Личность и народ — две основные идеи русского народнического социализма. Гораздо более характерен для народнического социализма Герцен. Герцен более известен на Западе, чем Белинский, он был эмигрантом, издавал в Лондоне журнал «Колокол», был связан с западным социалистическим движением, и книги его переведены на иностранные языки. Он был гораздо более индивидуалист и гуманист, чем Белинский. Но, как было уже говорено, он разочаровался в Западе и искал спасения

в русском мужике, которого совсем не идеализировал Белинский. В Белинском был уже потенциальный марксист. Поразительнее всего, что в русском крестьянстве, жившем в условиях крепостного права, лишенном элементарного просвещения, Герцен видел большую выраженность принципа личности, большую цельность индивидуальности, чем у европейского человека, ставшего мещанином. В русском народе сочетается принцип личности с принципом общинности. С чужбины Герцен делается основоположником народнического социализма, который наибольшего развития достигает в 70-е годы. Герцен верил, что в России легче и лучше осуществится социализм, чем на Западе, и не будет мещанским. Как и многие народники, он против политической революции, которая может толкнуть Россию на западный, буржуазный путь развития. Быть социалистом в то время значило требовать экономических реформ, презирать либерализм, видеть главное зло в развитии капиталистической индустрии, разрушающей зачатки высшего типа общества в крестьянском укладе жизни. Часто это значило сочувствовать диктатуре, даже монархии. Социалисты народники готовы были поддерживать монархию в России, если она станет на защиту народа против дворян и нарастающей буржуазии. Герцен в эмиграции на страницах «Колокола» приветствовал Александра II за акт освобождения крестьян. Но Герцен, несмотря на свои революционно-социалистические идеи, несмотря на свое эмигрантское положение, оказался чуждым для поколения 60-х годов. Он человек 40-х годов, русский культурный барин, гуманист и скептик, но не нигилист. Он не типичен для революционной интеллигенции, гораздо менее типичен, чем Белинский. Чернышевский, который развивал идеи народнического социализма, родственные Герцену, с презрением будет говорить о Герцене, что он барин 40-х годов, который все еще продолжает думать, что он спорит в салонах с Хомяковым. В 60-е годы в интеллигенцию вошли новые социальные слои, прежде всего, семинаристы; дворяне перестали господствовать, и появился более жесткий и более аскетический душевный тип, более реалистический и активный. Эпигоны идеалистов 40-х годов, «лишние люди» представляются людьми отошедшего века. Появляются нигилисты.

2

Нигилизм есть характерно русское явление, в такой форме неизвестное Западной Европе. В узком смысле нигилизмом называется эмансипационное умственное движение 60-х годов, и его главным идеологом признается Писарев. Тип русского нигилиста был изображен

Тургеневым в образе Базарова. Но в действительности нигилизм есть явление гораздо более широкое, чем писаревщина, его можно найти в подпочве русских социальных движений, хотя нигилизм сам по себе не был социальным движением. Нигилистические основы есть у Ленина, хотя он и живет в другую эпоху. Мы все нигилисты, говорит Достоевский. Русский нигилизм отрицал Бога, дух, душу, нормы и высшие ценности. И тем не менее нигилизм нужно признать религиозным феноменом. Возник он на духовной почве православия, он мог возникнуть лишь в душе, получившей православную формацию. Это есть вывернутая наизнанку православная аскеза, безблагодатная аскеза. В основе русского нигилизма, взятого в чистоте и глубине, лежит православное мироотрицание, ощущение мира, лежащим во зле, признание греховности всякого богатства и роскоши жизни, всякого творческого избытка в искусстве, в мысли. Подобный православной аскетике нигилизм был индивидуалистическим движением, но также был направлен против творческой полноты и богатства жизни человеческой индивидуальности. Нигилизм считает греховной роскошью не только искусство, метафизику, духовные ценности, но и религию. Все силы должны быть отданы на эмансипацию земного человека, эмансипацию трудового народа от непомерных страданий, на создание условий счастливой жизни, на уничтожение суеверий и предрассудков, условных норм и возвышенных идей, порабащающих человека и мешающих его счастью. Это — единое на потребу, все остальное от лукавого.

В умственной сфере нужно аскетически довольствоваться естественными науками, которые разрушают старые верования, низвергают предрассудки, и политической экономией, которая учит организации более справедливого социального строя. Нигилизм есть негатив русской апокалиптичности. Он есть восстание против неправды истории, против лжи цивилизации, требование, чтобы история кончилась и началась совершенно новая, вне-историческая или сверх-историческая жизнь. Нигилизм есть требование оголения, совлечения с себя всех культурных покровов, превращение в ничто всех исторических традиций, эмансипация натурального человека, на которого не будет более налагаться никаких оков. Умственный аскетизм нигилизма нашел себе выражение в материализме, более утонченная философия была объявлена грехом. Русские нигилисты 60-х годов — я имею в виду не только Писарева, но и Чернышевского, Добролюбова и др. — были русскими просветителями, они объявили борьбу всем историческим традициям, они противопоставляли «разум», существование которого в качестве материалистов признавать не могли, всем верованиям и предрассудкам

прошлого. Но русское просветительство, по максималистическому характеру русского народа, всегда оборачивалось нигилизмом. Вольтер и Дидро не были нигилистами. В России материализм принял совсем иной характер, чем на Западе. Материализм превратился в своеобразную догматику и теологию. Это поражает в материализме коммунистов. Но уже в 60-х годах материализм получил эту теологическую окраску, он стал морально обязательным догматом и за ним была скрыта своеобразная нигилистическая аскеза. Был создан материалистический катехизис, который был усвоен фанатически широкими слоями левой русской интеллигенции. Не быть материалистом было признано нравственно подозрительным. Если вы не материалист, то, значит, вы за порабощение человека и народа. Отношение русских нигилистов к науке было идолопоклонническим. Наука, — под которой понимались, главным образом, естественные науки, в то время окрашенные в материалистический цвет, — стала предметом веры, она была превращена в идол. В России в то время были и замечательные ученые, которые представляли особенное явление. Но нигилисты-просветители не были людьми науки. Это были верующие люди и догматически верующие. Менее всего им свойствен был скептицизм. Методическое сомнение Декарта мало подходит к нигилистам, да и вообще к русской природе. Типический русский человек не может долго сомневаться, он склонен довольно быстро образовывать себе догмат и целостно, тотально отдавать себя этому догмату. Русский скептик есть западный в России тип. В русском материализме не было ничего скептического, он был верующим.

В нигилизме в деформированном виде отразилась еще одна черта русского православного религиозного типа — нерешенность на почве православия проблемы культуры. Аскетическое православие сомневалось в оправданности культуры, склонно было видеть греховность в культурном творчестве. Это сказалось в мучительных сомнениях великих русских писателей относительно оправданности их литературного творчества. Религиозное, моральное и социальное сомнение в оправданности культуры есть характерно русский мотив. У нас постоянно сомневались в оправданности философского и художественного творчества. Отсюда борьба против метафизики и эстетики. Вопрос о цене, которой покупается культура, будет господствовать в социальной мысли 70-х годов. Русский нигилизм был уходом из мира, лежащего во зле, разрывом с семьей и со всяким установившимся бытом. Русские легче шли на этот разрыв, чем западные люди. Греховными почитались государство, право, традиционная мораль, ибо они оправдывали порабощение человека

и народа. Замечательнее всего, что русские люди, получившие нигилистическую формацию, легко шли на жертвы, шли на каторгу и на виселицу. Они были устремлены к будущему, но для себя лично они не имели никаких надежд, ни в этой земной жизни, ни в жизни вечной, которую они отрицали. Они не понимали тайны Креста, но в высшей степени были способны на жертвы и отречение. Они этим выгодно отличались от христиан своего времени, которые проявляли очень мало жертвоспособности и были соблазном, отталкивающим от христианства. Чернышевский, который был настоящим подвижником в жизни, говорил, что он проповедует свободу, но для себя никакими свободами никогда не воспользуется, чтобы не подумали, что он отстаивает свободы из эгоистических целей *. Удивительная жертвоспособность людей нигилистического миро-созерцания свидетельствует о том, что нигилизм был своеобразным религиозным феноменом.

Не случайно в русском нигилизме большую роль играли семинаристы, дети священников, прошедшие православную школу. Добролюбов и Чернышевский были сыновья протоиереев и учились в семинарии. Ряды разночинной «левой» интеллигенции у нас пополнялись в сильной степени выходцами из духовного сословия. Смысл этого факта двоякий. Семинаристы через православную школу получали формацию души, в которой большую роль играет мотив аскетического мкроотрицания. Вместе с тем в семинарской молодежи второй половины 50-х годов и начала 60-х годов назревал бурный протест против упадочного православия XIX века, против безобразия духовного быта, против обскурантской атмосферы духовной школы. Семинаристы начали проникаться освободительными идеями просвещения, но проникаться по-русски, т. е. экстремистски, нигилистически. Не малую роль тут играло и *ressentiment* семинаристов к дворянской культуре. Вместе с тем в молодежи пробудилась жажда социальной правды, которая была в ней порождением христианства, получившего новую форму. Семинаристы и разночинцы принесли с собой новую душевную структуру, более суровую, моралистическую, требовательную и исключительную, выработанную более тяжелой и мучительной школой жизни, чем та школа жизни, в которой выросли люди дворянской культуры. Это новое молодое поколение изменило тип русской культуры. Тип культуры шестидесятников, Добролюбова, Чернышевского, нигилистов, возраставшей революционной интеллигенции был пониженный

* См. очень интересную по материалам книгу о Чернышевском «Любовь людей шестидесятых годов». Academia. 1929 г.

по сравнению с типом дворянской культуры 30-х и 40-х годов, культуры Чаадаева, И. Киреевского, Хомякова, Грановского, Герцена. Культура всегда образуется и достигает более совершенных форм путем аристократического отбора. Демократизируясь, распространяясь вширь на новые слои, она понижается в своем уровне и лишь позже, путем переработки человеческого материала, культура может опять повыситься. В малых размерах в слое интеллигенции в 60-е годы в России произошел тот же процесс, который в широких, всенародных масштабах произошел в русской революции. Изменение типа культуры выразилось прежде всего в изменении направления сознания и тем культуры. Это было предreshено уже Белинским в последний период его развития. «Идеалисты» 40-х годов интересовались, главным образом, гуманитарными науками, философией, искусством, литературой. Нигилисты 60-х годов интересовались, главным образом, естественными науками и политической экономией, что определило уже интересы коммунистического поколения русской революции.

Для понимания генезиса русского нигилизма в широком смысле слова и русской революционности 60-х годов очень интересен образ Добролюбова. На нем можно видеть, в какой душе родились нигилистические и революционные идеи. Это была структура души, из которой выходят святые. Это одинаково можно сказать и про Добролюбова, и про Чернышевского. Добролюбов оставил после себя «Дневник», в котором он описывает свое детство и юность. Добролюбов получил чисто православное религиозное воспитание. В детстве и еще в ранней молодости он был очень религиозен. Склад его был аскетический. У него было сильное чувство греха и склонность к постоянному покаянию. Самые ничтожные грехи его очень мучили. Он не мог себе простить, если он съедал слишком много варенья, слишком долго спал и т. п. Он была очень набожен. Он нежно любил своих родителей, особенно свою мать, и он не мог примириться с их смертью. Добролюбов был человек чистый, суровый, серьезный, лишенный всякой игры, которая была у людей дворянской культуры и составляла их прелесть. И вот эта набожная, аскетическая до суровости серьезная душа теряет веру. Он теряет веру, пораженный злом, несправедливостью, страданиями жизни. Он не мог примириться с тем, что у такого злого, исполненного несправедливостей и страданий мира есть всеблагий и всемогущий Творец. Тут действует своеобразный маркионистический мотив. Добролюбов потрясен тем, что умирает любимая мать. Он также не может примириться с низменностью быта русского духовенства, с его малой духовностью, с обскурантизмом, с отсутствием всякой реализации

христианства в жизни. Добролюбов чувствует себя окруженным «темным царством». Его главная статья, написанная по поводу Островского, называется «Луч света в темном царстве». Человек сам должен внести свет в темное царство. Нужно просвещение, нужно революционное изменение всего строя жизни. Добролюбов был критиком, он писал о литературе. Он не доходил до таких крайностей, как Писарев, в отрицании эстетики, но и для него эстетика была роскошью, он аскетически отрицал избыточную роскошь эстетики. Добролюбов хочет земного счастья для человека и после потери веры другой цели не знает. Но сам он счастья не знает, жизнь его была безрадостная, и он умирает почти юношей от чахотки. Русский нигилизм только и можно представить себе как движение юности, нигилизм в старости носит отталкивающий характер.

Н. Чернышевский был властителем дум не только радикальной интеллигенции 60-х годов, но и последующих поколений. Очень много способствовал его популярности тот ореол, которым окружала его имя ссылка на каторгу. Чернышевский был обвинен в составлении прокламаций к крестьянам, при этом обвинение было основано на фальсификации почерка и ложных показаниях. Он был приговорен к семи годам каторги и после этого провел еще двенадцать лет в Восточной Сибири в исключительно тяжелых условиях. Сибирь и каторгу он вынес как настоящий подвижник. Чернышевский был очень кроткий человек, у него была христианская душа и в его характере были черты святости*. Истязание Чернышевского было одним из самых постыдных деяний русского правительства старого режима. Чернышевский, как и Добролюбов, был сын протоиерея. Первоначальное образование его было богословским, он воспитывался в семинарии. Он был очень ученым человеком, настоящим энциклопедистом, знал и богословие, и философию вплоть до философии Гегеля, знал историю и естественные науки но прежде всего был экономистом. Как экономиста его очень ценил Маркс. У него были данные стать специалистом-ученым, и если он не стал им, то исключительно потому, что был увлечен общественной борьбой. Но он все же был книжным человеком и не производил впечатления человека страстного. Он писал нравоучительные романы, но особенным литературным талантом не обладал. Несмотря на обширную ученость, Чернышевский не был человеком высокой культуры. Тип культуры был пониженный по сравнению с культурой людей 40-х годов. В нем было безвкушие, принесенное семинаристами и разночинцами. Чернышевский был материалистом, последователем Фейербаха, и вместе с тем идеалистом

* См. цитируемую книгу: «Любовь людей шестидесятых годов».

земли, как и Добролюбов, как и все лучшие представители революционной и нигилистической интеллигенции. В нем также сильна была аскетическая черта. Крайний материализм, философски наивный и жалкий, он утверждал из аскетизма. Утилитарную мораль разумного эгоизма он утверждал из морализма, из любви к добру. Моральный мотив всегда был очень силен у нигилистов, теоретически отрицавших всякую мораль. Идеализм, спиритуалистическая метафизика, религия связывались с жизненным материализмом и социальной несправедливостью. Для этого христианство давало достаточно оснований. Идеалисты и спиритуалисты слишком часто прикрывали возвышенными идеями самые низменные интересы. И потому во имя жизненного идеализма, во имя осуществления социальной правды начали утверждать грубый материализм и утилитаризм, отрицать все возвышенные идеи, всякую возвышенную риторику.

Чернышевский пишет утопический роман «Что делать?», который стал как бы катехизисом русского нигилизма, настольной книгой русской революционной интеллигенции. В художественном отношении роман этот довольно слаб и безвкусен, но он очень интересен для истории русской интеллигенции. Моральные нападения из правого лагеря на этот роман были чудовищно несправедливы и клеветнически-лживы. Прав был замечательный русский богослов Бухарев, который увидел в нем христианский характер. «Что делать?» — аскетическая книга, что-то в роде наставления к благочестивой жизни русских нигилистов. Герой романа Рахматов спит на гвоздях, чтобы закалить свой характер и приучить себя выносить страдания и мучения. Проповедь свободы любви означала не проповедь распущенности, которая сильна была именно у консервативных господствующих классов, у гвардейских офицеров и т. п., а не у нигилистов, людей идеи. Эта проповедь означала требование искренности в чувствах, освобождение от всяких условностей, лжи и угнетения. Мораль Чернышевского стояла, конечно, гораздо выше рабской морали «Домостроя». «Сон Веры Павловны» в романе представляет собой социалистическую утопию, в которой устраиваются кооперативные мастерские. Социализм Чернышевского носил еще частью народнической, частью утопический характер, но уже является более других одним из предшественников коммунизма в 60-е годы. Это признает Плеханов, основатель русского марксизма, в своей книге о Чернышевском*. Недаром Маркс для чтения Чернышевского изучал русский язык.

* См.: Г. Плеханов. «Н. Г. Чернышевский».

Наиболее самостоятелен Чернышевский как экономист. Он не был противником индустриального развития, подобно многим другим народникам, но он ставит традиционный для русской мысли XIX века вопрос о том, может ли Россия избежать капиталистического периода развития, и решает его в том смысле, что Россия может сократить до нуля срок капиталистического периода и прямо перейти от низших форм хозяйства к хозяйству социалистическому. Коммунисты, несмотря на свой марксизм, именно это и пытаются сделать. Чернышевский делает характерное для народнического социализма противоположение национального богатства и народного благосостояния. В капиталистических странах национальное богатство возрастает, а народное благосостояние уменьшается. Чернышевский защищает крестьянскую общину. Он утверждает, что третий высший социалистический период развития будет походить на первоначальный низший период. Чернышевский, подобно Герцену и потом Михайловскому, отождествляет интересы народа с интересами человеческой личности вообще. Из всех писавших в легальной литературе Чернышевский был наиболее ярко выраженным социалистом, и этим определилось его значение для русской интеллигенции, которая по своему моральному сознанию во вторую половину XIX века вся почти была социалистической. Нигилизм писаревского типа был ослаблением социальных мотивов, но это было явление временное.

Наиболее слаба была философская позиция Чернышевского. Хотя он исходил от такого замечательного мыслителя, как Фейербах, но его материализм был вульгарный и окрашен в цвет популярных естественно-научных книжек того времени, гораздо более вульгарный, чем диалектический материализм марксистов. Чернышевский писал также по вопросам эстетики и был типичным представителем русской публицистической критики. Он отстаивал тот тезис, что действительность выше искусства и хотел построить реалистическую эстетику. В антиэстетизме Чернышевского был сильный аскетический мотив. Он уже хотел того типа культуры, который восторжествовал в коммунизме, хотя часто в карикатурной форме, — господство естественных и экономических наук, отрицание религии и метафизики, социальный заказ в литературе и искусстве, мораль социального утилитаризма, подчинение внутренней жизни личности интересам и директивам общества. Подвижничество Чернышевского и христианские добродетели этого «материалиста» — огромный вклад в тот капитал, которым живут и коммунисты, сами уже этих добродетелей не имеющие.

В отличие от Чернышевского и Добролюбова, главный выразитель русского нигилизма в собственном смысле Писарев был дворянское

дита. Это был изящный, элегантный молодой человек, с мягкими, отнюдь не нигилистическими манерами. Этот «разрушитель эстетики» имел вкусы эстета. Он был более талантливый писатель, чем Чернышевский и Добролюбов. Судьба его была типически русская. Он был арестован по ничтожному поводу и просидел четыре года в тюрьме в одиночном заключении, где и написал большую часть своих статей. После освобождения Писарев скоро умер еще совсем юным, от несчастного случая, он утонул. Из поколения просветителей 60-х годов он был наиболее индивидуалистом, мотив социальный в нем слабее выражен, чем у Чернышевского. Писарев интересовался главным образом эмансипацией личности, освобождением от суеверий и предрассудков, от семейных уз, от традиционных нравов и условностей быта. Умственная эмансипация имела для Писарева центральное значение. И он надеялся достигнуть ее путем популяризации естественных наук. Он проповедует материализм, который по его наивному убеждению освобождает личность, в то время как он отрицает личность. Если личность целиком вырабатывается средой, то она не может иметь никакой свободы и самостоятельности. Писарев хотел выработки нового человеческого типа, это интересовало его больше, чем организация общества. Этот новый человеческий тип он назвал «мыслящим реалистом». Тут реалистическое поколение «сынов» резко противопоставляет себя идеалистическому поколению «отцов». В своем типе «мыслящего реалиста» Писарев многое предвосхищает в типе, выработанным русским коммунизмом. Некоторые черты типа «мыслящего реалиста» были изображены Тургеневым в образе Базарова («Отцы и дети»), но не особенно удачно.

В русском интеллигентском слое до появления нигилистов 60-х годов преобладал человеческий тип, который получил у нас наименование «идеалистов 40-х годов». Он был продолжением типа конца XVIII и начала XIX века, связанного с мистическим масонством. Он явился результатом переработки русской душой влияний немецкого романтизма и идеализма. Он вырос на почве культурного русского барства. Этому человеческому типу, очень благородному, свойственны были высокие стремления, любовь к «высокому и прекрасному», как потом любил иронизировать Достоевский, в нем было много мечтательности и слабая способность к действию, к реализации, в нем было не мало русской лени, порожденной барством. Из этого типа вышли «лишние люди». Тип «мыслящего реалиста», проповедываемый Писаревым, несет с собой совершенно другие черты, часто вырабатываемые по реакции против типа «идеалиста». «Мыслящий реалист» чужд всякой мечтательности и романтизма, он

враг всяких возвышенных идей, не имеющих никакого отношения к действительности и не реализуемых, он склонен к цинизму, когда речь идет об изобличении иллюзий религиозных, метафизических и эстетических, у него культ дела и труда, он признает лишь естественные науки и презирает науки гуманитарные, он проповедует мораль разумного эгоизма не потому, что он был эгоистичнее «идеалистического» типа, — наоборот, эгоистичнее был «идеалистический» тип, — а потому, что он хотел беспощадного разобличения обманных возвышенных идей, которыми пользовались для самых низменных интересов.

Но уровень философской культуры «мыслящих реалистов» был низкий, гораздо более низкий, чем «идеалистов 40-х годов». Бюхнер и Мошотт, т. е. самый вульгарный материализм, основанный на популяризации естественных наук того времени, превратились в замечательных философов и стали учителями. Это было страшное падение по сравнению с Фейербахом, настоящим философом. «Мыслящий реалист» стал искать разгадки тайны жизни и тайны бытия в разрезывании лягушки. Именно от «мыслящих реалистов» 60-х годов пошел тот нелепый аргумент, ставший столь популярным в радикальной интеллигенции, что анатомирование трупов не обнаружило существования в человеке души. Не заметили обратного смысла этого аргумента: если бы обнаружили душу при анатомировании трупа, то это было бы доказательством в пользу материализма.

Было несоответствие между серьезностью и значительностью человеческого кризиса, который происходил в «мыслящих реалистах», и жалкостью их философии, их грубого и вульгарного материализма и утилитаризма. Мыслящий реалист был, конечно, врагом эстетики, отрицал самостоятельное значение искусства. Он требовал в этом отношении суровой аскезы. Писарев совершал настоящий погром эстетики, отрицал совершенно Пушкина и предлагал русским романистам писать популярные трактаты по естествознанию. В этом отношении культурная программа коммунистов более умеренна — она предлагает изучать Пушкина, придает значение искусству. Диалектический материализм менее вульгарен, чем материализм бюхнеро-мошоттовский. Но у коммунистов техника играет ту же роль, которую в 60-х годах играло естествознание, преимущественно биологические науки. Писаревский нигилизм объявил, что «сапоги выше Шекспира». Идея «социального заказа» в искусстве и литературе в писаревщине утверждалась даже в более крайней форме, чем в коммунизме. Если бы программа русского нигилизма была полностью осуществлена в русском коммунизме, то для качества культуры получились бы результаты более раз-

рушительные, чем мы это видим в советской культуре. Появление «мыслящего реалиста» означало появление более жесткого типа, чем тип «идеалиста 40-х годов», и вместе с тем более активного. Тип культуры оказался пониженным. Но в писаревском нигилизме была и здоровая реакция против бесплодной романтической мечтательности, бездейственности, лениности, эгоистического замыкания в себе, был здоровый призыв к труду и знанию, хотя и одностороннему. В нигилизме была элементарная и действительная эмансипация. Огромное и положительное значение движение имело для эмансипации женщины. Аналогичный процесс повторился у нас при переходе от типа людей, создавших культурный ренессанс начала XX века («идеалистическое» движение того времени), к типу русского коммуниста.

Идеологи коммунизма не заметили радикального противоречия, лежавшего в основании всех их стремлений. Они хотели освобождения личности, они объявили восстание против всех верований, всех норм, всех отвлеченных идей во имя этой эмансипации. Во имя освобождения личности они низвергали религию, философию, искусство, мораль, отрицали дух и духовную жизнь. Но этим они подавляли личность, лишали ее качественного содержания, опустошали ее внутреннюю жизнь, отрицали право личности на творчество и на духовное обогащение. Принцип утилитаризма в высшей степени неблагоприятен для принципа личности, он подчиняет личность пользе, которая тиранически господствует над личностью. Нигилизм проявил насильнический, извне навязанный аскетизм в мышлении и творчестве. Материализм и был таким навязанным аскетизмом, бедностью в мышлении. Принцип личности никак не мог быть обоснован и укреплен на почве материализма. Эмпирическая личность оказалась лишенной права на творческую полноту жизни. Если бы талантливый Писарев дожил до более зрелого возраста, то он, может быть, заметил бы это основное противоречие, понял бы, что нельзя бороться за личность на почве веры в «лягушку». Течения 70-х годов сгладили крайности нигилизма 60-х годов. На мышление радикальной интеллигенции 70-х годов влияли уже не Бюхнер и Молешотт, а О. Конт и Герберт Спенсер. Произошел переход от материализма к позитивизму. Обнаружилась реакция против засилья естественных наук. Частично восстановлены были права эстетики, и искусство не отрицалось совершенно. Но идея «социального заказа» продолжала господствовать над интеллигентским сознанием.

